

Бешта А. В.
МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОМЕДИИ Т. М. ПЛАВТА «Менехмы»

Мифам, где главными героями являются близнецы, посвящено множество исследований как отечественных, так и зарубежных литературоведов. Так, например, эта тема была подробно разработана во многих научных работах Иванова В. В., Абрамян Л. А., Штернберга Л. Я. и др. Значительную ценность имеют также исследования зарубежных ученых Р. Харриса, В. Тэрнера, Д. Фрэзера, подробно изучавших представления о близнецах в мифах, сказаниях и легендах различных культурных традиций.

Примечательно, что описание рожденья близнецов, их дальнейшей жизни, специфическое восприятия их окружающими всегда занимало особое положение в мифологическом наследии различных древних народов. Появление близнецов на свет зачастую считалось неестественным и даже уродливым. Характерными для многих культурных традиций были поверья о наделении близнецами магической властью, некими сверхъестественными способностями. Этой теме в народном творчестве уделено настолько значительное место, что в мифологии существует даже специальное понятие – «близнецный миф» – подразумевающее сказание о чудесных существах, представляемых в виде близнецов и часто выступающих в качестве родоначальников племени или культурных героев [6, с. 75].

Опираясь на известные исследования данного вопроса, все многообразие мифов, упоминающих близнецов, можно, в соответствии с общепринятой их классификацией, условно разделить на четыре категории.

В одной из категорий этого в значительной степени схематичного деления рассматриваются мифы о разнополюсных близнецах. Для многих древних культурных традиций типичными являются сказания, повествующие о брате и сестре, вступающих в кровосмесительный брак. Справедливым, однако, будет отметить, что кровосмешение между разнополюсными близнецами происходило не всегда. Подтверждение тому мы находим, обратившись к античной мифологии, в легендах об одном из главнейших богов олимпийского пантеона – Аполлоне, сыне Зевса и Лето, брате-близнеце Артемиды [1].

Характерно, что чаще всего имевшая все-таки место любовная связь между братом и сестрой происходила по вине женщины. Примером в этом смысле может служить египетский миф о брате Осирисе и его сестре Исиде или древнеиндийский миф о Яме и его сестре-близнеце Ями. Очень схожее по идее сказание о трех братьях-близнецах, обладающих одинаковым именем Финдеамна (Findeamna) и вступающих в греховную связь со своей сестрой известно и в древнеирландской традиции [7]. Подобное представление о браке двух (или нескольких) близнецов – брата и сестры – не чуждо и для индоевропейской мифологии.

Забегая вперед, следует отметить также, что мотив беспорядочных любовных связей, вызванных недоразумениями, как правило, сопутствующими близнецам, как некий отголосок темы инцеста, отчасти прозвучал и в рассматриваемой в данной статье комедии Плавта «Менехмы», когда ложе одной и той же женщины – гетеры – разделили по ошибке два брата-близнеца. Эротия, принимая за Менехма его брата Сосикла, пригласила его к себе, а тот, не в силах сопротивляться и, чуя веселое приключение, отправился к ней.

Примечательно также, что в литературе XX века подобные мифы о запретных связях между братьями-близнецами, их сестрами и родственниками вообще вызвали огромный интерес и были во многом переосмыслены с точки зрения фрейдизма, а сама тема инцеста получила широкое распространение в произведениях многих авторов.

К отдельной категории близнецных мифов отнесены те, в которых фигурировали андрогины – божественные существа, таящие в себе как мужское, так и женское начало. Как известно, в философии Платона, греческой, египетской, дальневосточной мифологиях, в легендах аборигенов и американских индейцев андрогинное состояние считалось первоначальным состоянием человека, а сам Адам – сочетавшим в себе и мужчину и женщину. Для древних культур разных народов характерны были сказания о близнецах-андрогинах [10].

Еще одну категорию сказаний о близнецах составляют так называемые зооморфные мифы, подразумевающие некое участие животных в процессе рождения близнецов и соответственно родство между животными и близнецами. Очень четкие зооморфные мотивы звучат в древнегреческой сказке о двух близнецах, предполагаемом первоисточнике пьесы Плавта «Менехмы».

Наконец к последней по счету, но не по значению категории относятся сказания о братьях-близнецах. В данной работе подробное внимание будет уделено именно этой группе мифов.

Одна из основных целей статьи – выявление определенной схематичности и стереотипности в поведении братьев-близнецов. Интересным представляется с литературоведческой точки зрения проследить ролевые обязанности главных героев, которые зачастую были четко ограничены определенными рамками. Главной задачей, поставленной в данной работе, является проведение сопоставительного анализа образов братьев-близнецов, фигурирующих в мифологиях различных культур и их трансформация в литературном произведении античных времен, а именно комедии Плавта «Менехмы». Как известно, попытки общего анализа братьев-близнецов в разных мифологиях осуществлялись и прежде. В данной же работе основное внимание направлено на установление общей и характерной для всех культурных традиций модели поведения братьев-близнецов, а также варьирование этой модели при заимствовании мифологических сюжетов авторами последующих эпох.

Отметим, что первоначально, почти во всех культурах братьев представляли соперниками, противостоящими друг другу силами. Такие сказания были характерны для дуалистической мифологии и часто встречались у народов Океании и индейцев Северной и Южной Америки. В мифах о братьях-близнецах один из главных героев ассоциировался, как правило, с воплощением всего хорошего, полезного и благоприятного, а второй соотносился со всем плохим и вредным. Вспомним в качестве примера библейский миф о Каине и Авеле – двух братьях, ярких противоположностях, и их скрытом конфликте на почве завис-

ти приведем к братоубийству. Нередко соперничество между близнецами начиналось с самого их рождения. Яркое подтверждение тому мы находим в образе еще одних библейских братьев-близнецов Исава и Иакова, сыновей Исаака и Ревекки. Их мать жаловалась, что уже в ее чреве они постоянно дрались. Первым появился на свет Исав, и потому он считался первородным. Второму нарекли имя Иаков, что по-русски означает «держи за пятку», поскольку во время родов он держал своего брата за пятку. Примечательно, что это выражение означало у древних евреев «убрать кого-нибудь со своего пути», «победить кого-нибудь», таким образом, дальнейшая вражда братьев была заложена еще в их именах. Будучи детьми, они ничем не походили друг на друга и никогда не дружили, а когда выросли, трудно было поверить, что это близнецы [3, с. 54]. Аналогичен похожий в этом отношении миф североамериканского индейского племени кахуилла, где один из близнецов – Мукал, создавший людей и луну, – спорит за первенство со своим братом Темайауитом, уходящим в подземный мир. Созвучен по своему замыслу и миф ирокезов и гуронов, повествующий о двух антагонистичных друг другу братьях: Иоскеха – творец солнца и всего полезного на земле, а его младший брат-близнец Тавискарон – создатель скал, вредных животных (пум, ягуаров, волков, медведей, змей и насекомых), шипов и колючек. Тавискарон противодействует всем благим начинаниям Иоскехи: не дает ему устроить в реках два течения – вверх и вниз, создает пороги и быстрины, становится причиной первого землетрясения. В итоге между братьями возникает открытое единоборство. Раненый в схватке с Иоскехой, Тавискарон спасается в подземном мире, при бегстве каждая капля крови, льющаяся из его раны, превращается в камень. Иоскеха после сражения с братом удаляется на небо [8]. Справедливым будет отметить, однако, что в некоторых дуалистических мифах братья-близнецы не всегда были представлены антагонистами, тем не менее, они воплощали два разных начала, каждое из которых соотносилось с одной из половин племени. Примером могут служить Возлюбленные близнецы у североамериканского индейского племени зуни, которые разделили племя на фратрии – людей зимы и людей лета. В мифах подобного типа близнецы часто дублировали функции друг друга, оба были полезны, оба занимались лечением людей [9].

Итак, анализируя приведенные в качестве примеров мифы и суммируя все выше сказанное можно отметить, что братья-близнецы, описываемые в сказаниях разных народов, зачастую имели одинаковые и очень четкие поведенческие стереотипы. Как правило, два брата-близнеца представлялись конкурирующими и враждующими сторонами, между ними нередко возникали ссоры, доходившие порой до открытого противостояния. Один из братьев олицетворял в этом конфликте добро, а второй играл роль его антагониста, воплощавшего в себе все негативное. Именно таковой в большей или меньшей степени выраженности видится поведенческая модель братьев-близнецов в мифологии различных народов мира.

Мифологические мотивы сыграли большую роль в генезисе литературных сюжетов, мифологические темы, образы, персонажи использовались и переосмыслились в литературе почти на протяжении всей её истории. Обработка именно близнецных мифов в произведениях художественной литературы не стала в этом смысле исключением и началась уже в древности. Примером могут служить близнецы Менехмы, одноименные братья, главные герои комедии римского драматурга Плавта. Интересно проследить, сохранился ли характерный конфликт в отношениях между двумя братьями-близнецами, так часто встречающимися в мифологии многих древних культурных традиций, и ставшими вновь актуальными в литературе античного времени.

Античный драматург Тит Макций Плавт (ок. 250 – 184 гг. до н. э.) был очень популярен у римского зрителя. Древние называли 130 пьес, ставившихся под его именем. Из этого числа римский ученый I в. до н. э. Теренций Варрон отобрал двадцать одну комедию как бесспорно принадлежащую плавтовскому наследию. Все они дошли до наших дней. Огромный талант и оригинальность Плавта как поэта заключалась в том, что он переделывал для римской сцены греческие пьесы, главным образом произведения авторов так называемой «новой аттической комедии» – Менандра, Дифила, Филемона и других драматургов [4, с. 643]. Очевидно, одному из них и принадлежала фабула комедии «Менехмы», хотя кому именно в точности не известно. Вполне вероятно, что многие из предшественников Плавта тоже в свою очередь заимствовали сюжеты для своих произведений, и одним из источников таких заимствований могла служить народная литература.

Правильным будет предположить, что древнегреческие сказки, переходящие в форме устных рассказов из поколения в поколение, брали свое начало в сказаниях и мифах более ранних цивилизаций. Так, например, существовавшая греческая сказка о братьях-близнецах очень напоминает по своему сюжету древнеегипетский миф, так называемый «роман о двух братьях». Однако прежде чем проводить определенные параллели и рассматривать плавтовских близнецов с одинаковым именем Менехмы, обратимся к фабуле греческой сказки.

Древнее сказание повествует о богатом рыбаке, не имевшем долгое время детей. Его жена однажды обратилась к ворожее; та предсказала, что рыбаку суждено поймать золотую рыбку, и посоветовала, разделив добычу на шесть частей, съесть две части с мужем, по одной дать суке и кобыле, а оставшиеся две посеять у входа в дом. Так и было сделано; вскоре рыбацка родила двух братьев-близнецов, столь похожих друг на друга, что их никак нельзя было отличить одного от другого; тоже случилось и с кобылой, и с сукой, а у порога выросло два кипариса [2, с. 81].

Как видно, в этом мифе слышны зооморфные мотивы, что являлось характерным для большинства подобных сказаний. Однако важно отметить, что в плавтовской комедии тема соотносительности близнецов с животным миром и природой совершенно отсутствовала.

Когда близнецы греческой сказки возмужали, один из них отправился странствовать, взяв с собой кошку и собаку, и, прощаясь, наказал брату отправиться на его поиски, если завянет кипарис. После многих приключений, герой попадает в некоторое царство и узнает о том, что царская дочь должна быть отдана на съедение змею. Победив змея и получив в награду невесту благородного происхождения, старший брат-

близнец вновь отправляется в путь со своим конем и собакой. (Определенные параллели можно провести с Менехмом I который также женился на богатой женщине с хорошим приданым.) Томимый жадной старшей близнец греческой сказки заходит в первую попавшую хижину и просит, чтобы ему дали воды. Хозяйка жилища, оказывается колдуньей и в ответ превращает собаку, коня, а затем и самого героя в камень. Одновременно с этими событиями вянет один из двух кипарисов у дома рыбака.

Согласно условию, второй близнец отправляется искать своего брата. Посетив много стран, он, наконец, оказывается в том самом царстве, где когда-то был первый герой. Далее события развиваются в духе «комедии ошибок».

Аналогичная тема поиска пропавшего брата-близнеца нашла свое отражение и в комедии Плавта. Менехм сиракузский скитался шесть лет, пытаясь отыскать своего брата, не оставляя надежды и веры увидеть его, несмотря на потерю в результате странствий большей части своего состояния, он тем не менее с решительностью восклицал, упрекая в унынии своего раба:

*Так я ищу того, кто подтвердил бы мне,
Сказал бы мне наверное, что умер он.
Тогда искать напрасный труд, а иначе,
Покуда жив, не брошу я искания.
Как сердцу моему он дорог, знаю я [5, с. 21].*

Возвращаясь к сюжету греческой легенды, мы видим, что все принимают второго близнеца за первого, включая и царевну. Характерно, что именно на основе подобного недоразумения, когда Менехма I принимают за Менехма II, и наоборот, строится вся комедия Плавта. В греческой сказке младшему брату, тем не менее, удается осторожно выведать необходимые сведения, и, пройдя все те же приключения, некогда случившиеся с его предшественником, он находит ведьму, благодаря своей осторожности избегает превращения в камень и заставляет ее вернуть брата к жизни. Первый близнец оживает, просыпаясь как бы от глубокого сна, узнает обо всем случившемся, и в тот момент, когда речь заходит о путанице, происшедшей с царевной, ударом меча отсекает голову своему спасителю. Затем он возвращается домой; тут обнаруживается вся правда; царевна, невинная перед своим истинным мужем, оказывается опытной волшебницей и с помощью своего искусства возвращает деверю жизнь [2, с. 82].

Конечно, между братьями-близнецами этой древнегреческой сказки нет открытой вражды или жесткого противостояния, но, тем не менее, их скрытого соперничества нельзя не заметить: неслучайно оба были поставлены судьбою в равные условия, а разрешали существующие трудности они не одинаково успешно. Несомненно, оба близнеца храбры и отважны, однако один явно уступает другому в находчивости, здравомыслии и рассудительности.

Подвергшись многочисленным метаморфозам, сказка стала сюжетом новоаттической комедии. Все чудесное было удалено: исчезли ворожея с золотой рыбкой, кипарисы, чудесное рождение детенышей у суки и кобылы, змей-пожиратель дев, ведьма, превращающая людей в камни; в угоду тому же реализму царь и царевна превратились в обыкновенных смертных. Тем не менее, ролевое распределение братьев-близнецов осталось неизменным.

В комедии Плавта «Менехмы» мы встречаемся с сиракузским пожилым купцом, у которого рождаются два брата-близнеца. Когда сыновьям исполняется семь лет, отец берет одного из них в плавание, направляясь для торговли в Тарент. В давке мальчик теряет родителя. Богатый, но бездетный купец из Эпидамна подбирает потерянного брата и увозит его к себе на родину. Отец, потеряв сына, умирает от горя. Дед переименовывает второго брата именем первого – Менехм. Купец из Эпидамна усыновляет найденца, находит ему богатую невесту, назначает своим наследником. Дальнейшие события развиваются в Эпидамне: туда на поиски пропавшего брата вместе со своим рабом направляется второй Менехм, бывший Сосикл [2, с. 83].

Конечно, бессмысленно искать антагонистов, четко вырисованных противоборствующих героев в образе плавтовских близнецов. Менехмы попросту таковыми не являются. Один из них живет со своей женой как кошка с собакой, заводит любовницу на стороне, продажные ласки которой он предпочитает радостям семейной жизни. Он поступает подло и низко когда берет у жены ее наряды и драгоценности, чтобы ими оплачивать любовь гетеры, хвастаясь при этом своей хитростью перед паразитом. Второй близнец не во многом превосходит своего брата порядочностью. Оказавшись в Эпидамне, Менехм сиракузский вообще забывает о благородной цели своего приезда. Подобно своему брату он оказывается таким же охотником до утех продажной любви, ничуть не смущаясь, он съедает приготовленный не для него обед и спокойно отнимает у гетеры переданный ему по очевидному недоразумению наряд вместе с драгоценностями.

Таким образом, Менехмы оказываются во многом похожими друг на друга. В их поведении едва ли прослеживается столь характерная для близнецных мифов модель конфликта двух братьев-близнецов, тенденция противостояния положительного и отрицательного, разрушительного и созидательного. Античные герои комедии Плавта скорее являются по отношению друг к другу достаточно четким зеркальным отражением.

Объяснение такого феномена представляется довольно простым: римский драматург не ставил своей задачей создание характерных персонажей. К тому же нельзя забывать, что поведение Менехмов во многом было ограничено театральной условностью и комедийными рамками пьесы. Интересно, однако, отметить, что данный плавтовский сюжет в дальнейшем неоднократно заимствовался писателями последующих эпох. Фабула истории о братьях-близнецах Менехмах впоследствии значительно трансформировалась, так же как и был несколько изменен характер отношений между ее главными героями, что, несомненно, является интересным предметом исследования других работ.

Источники и литература

1. Гигин. Мифы. / Пер. с лат. Торшилова Д. О. – Санкт-Петербург: изд-во Алетейя, 2000.
2. Зелинский Ф. Ф. Плавт и Шекспир // Из жизни людей – Т. 4: Возрожденцы. – Петербург: изд-во АCADEMIA, 1922.
3. Косидовский З. Библейские сказания. – М.: издательство политической литературы, 1987.
4. Плавт Т. М. Комедии Т. 1 / Комментарий Ульяновой И. – М.: изд-во Искусств, 1987.
5. Плавт Т. М. Комедии в 3 т. Т. 3 / Пер. с лат. Артюшкова А. – М.: изд-во ТЕРРА, 1997.
6. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. – М.: изд-во АСТ, 1998.
7. <http://deja-vu4.narod.ru>
8. <http://manuscript.ht.ru>
9. <http://www.edic.ru>
10. <http://www.apress.ru>

Волков А.Г. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И СВОБОДА СЛОВА

Одной из определяющих предпосылок позитивного использования политического текста в социальных преобразованиях является свобода слова, которую мы трактуем как коммуникативную свободу, включающую в себя свободу экспликации, возможности беспрепятственного участия в социальном управлении и консолидации с помощью использования средств массовой информации. Наличие свободы слова свидетельствует о том, что общество заинтересовано в наличии противоположных мнений, и, напротив, нарушение свободы слова связано с нивелированием роли индивидуального мнения по отношению к официальному.

Исследование границ коммуникации связано с решением проблемы свободы как социального явления. Наиболее полно она изучена в зарубежной, особенно в американской философии в работах А. Смита, К. Бекера, Дж.З. Тафста, У.Г. Самнера, Г.Д. Торо, Д. Лилиентала, В. Бэрри, Дж.Г. Мида, Ф. Херча, Г. Гувера, Дж. Дью, Р. Нибура и проч. [3, 124]. В качестве наиболее общего признака свободы выделяется возможность самораскрытия индивида в условиях социального взаимодействия. Свобода слова в этом случае понимается как отсутствие ограничений для выражения намерений и обмена информацией.

Соответственно основным проявлениям коммуникативной функции языка выделим своеобразие использования политического текста в экспликации, социальном регулировании и социальной консолидации. При экспликативной [4, с. 65] трактовке свободу слова следует рассматривать как возможность использовать разнообразные политические тексты в целях выражении социальных намерений, следовательно, высказывать любую оценку происходящих социальных событий и действий как официальных, так и гражданских лиц, а также критики самых различных их трактовок.

Экспликативное проявление свободы слова предполагает регулятивное, поскольку свобода выражения своих намерений еще не является достаточной для социальной самореализации. Необходимо, чтобы свобода выражения была дополнена действенностью эксплицируемых намерений. Свобода слова в этом смысле – это возможность участия индивида в социальных изменениях в обществе посредством использования политического текста.

С помощью политического текста можно регулировать пространство социальных действий индивида самым различным образом. Социальная свобода возникает в случае, если с помощью политического текста создаются условия для самореализации индивида, и, в то же время, ограничиваются антиобщественные действия. В одном случае свобода ограничивается до такой степени, что индивид совершенно не может применить себя, что приводит к возникновению конфликтов в обществе. В другом, наоборот, регулирование может быть явно недостаточным и непродуктивным, в результате возникают предпосылки для различных появлений социальной анархии, являющейся причиной распространения таких феноменов общественной жизни как коррупция, низкий уровень жизни, преступность и проч.

При рассмотрении социативного [4, с. 11] проявления свободы слова не следует оставлять вне внимания и то, что ее наличие включает в себя возможность для индивида участвовать в деятельности некоторого политического сообщества. В зависимости от своих политических взглядов и этической позиции индивид выбирает такую партию, союз, общественное движение, которые в наибольшей мере им отвечают. Социативное проявление свободы слова предполагает также возможность отстаивать определенную социальную идею. Однако содержание данной идеи не должно противоречить общечеловеческим ценностям, так как в противном случае свобода превращается в произвол. Поэтому наличие в обществе свободы слова одновременно может включать в себя ограничение свободы для тех индивидов, которые отстаивают заблуждение: например, необходимость политического насилия как нормы социального существования. Итак, индивид, безусловно, должен обладать свободой проповедования социальных идей, но при условии, если они не противоречат принципам гуманизма.

Воплощение той или иной социальной идеи в политической практике может оказать не только позитивное, но и негативное воздействие. Ее использование может привести к возникновению социальных катаклизмов, которые отрицательно сказываются на жизненном уровне, политической ситуации и проч. Поэтому прежде чем использоваться в политической практике, идея должна быть подвергнута социальной верификации, что возможно, опять же, только в условиях свободы слова. Принятие некоторой социальной идеи в качестве абсолютной составляет угрозу для общества.

Несомненно, что отдельные аспекты свободы слова обуславливают друг друга: экспликативная фактически предполагает участие индивида в политической жизни. В то же время возникает вопрос: что соб-